

Я послушно наклонился вперед и замер, наблюдая, как Ши Ичжи приближается, чтобы нежно поцеловать меня — от переносицы до губ, а затем провести языком по запекшейся крови на моей губе. Я окаменел на месте, не в силах пошевелиться.

Честно говоря, после того как Ши Ичжи однажды меня укусил, я стал опасаться его резких движений — вдруг опять впадёт в отчаяние и покроет моё лицо цветущими синяками. Но сейчас он прикоснулся так легко, что я совсем растерялся. Где-то внутри будто котёнок скрёбся — то лижет, то царапает, вызывая смутное беспокойство.

Пару дней назад я отчаялся из-за своей неудачи в Башне Ваньюэ, но теперь меня осенило с ещё большим ужасом: возможно, я просто не способен к женщинам. А вот при Ши Ичжи, кажется, всё в порядке.

Пока я тонул в шоке и чувстве вины, над головой раздался насмешливый голос: «Эй, господа, если хотите делом заняться, найдите укромное местечко, а здесь... подвиньтесь? Мне лоток расставить нужно...» Отлично, очень вовремя. От этих слов моя возникшая было готовность тут же угасла. Я поднял голову и увидел парня с обезьяньей мордочкой, который строил рожицы и ухмылялся: «Хоть в Великой Чу нравы и вольные, но... но... О? Это ты?»

С каменным лицом я взял Ши Ичжи за руку и, подумав, заявил: «Ваш вонючий тофу пахнет знатно».

Обезьянья физиономия расплылась в ухмылке. Парень перевёл взгляд с меня на Ши Ичжи и обратно, поглаживая редкие волоски на подбородке: «Пахнет — жар снимает, а на вкус — объедение».

Ши Ичжи подхватил с усмешкой: «Спасибо, что жар помогли сбить. Только, братец, лето на дворе — арбузы продавать выгоднее будет. Тоже жар снимают, а вонькой не пахнут».

Парень небрежно махнул рукой: «Арбузов на каждом углу полно, не выгорит».

Ши Ичжи парировал: «И вонючего тофу на каждом углу полно».

Парень ослабил, обнажив жёлтые зубы, и замахал руками: «Триста шестьдесят ремёсел, и в каждом свой мастер! Вонючего тофу много, да такого вкусного, как у меня, — ни у кого!»

Я посмотрел на парня, потом на Ши Ичжи: «Погода хорошая». Воцарилась тишина.

Наевшись арбуза до водянистой тяжести в животе, мы двинулись обратно. Ши Ичжи шёл впереди, я — следом. Хотя мы так ничего и не обсудили, между нами воцарилось молчаливое понимание, что избавило от неловкости.

Боже правый, я ожидал совсем другого расклада.

Вернувшись домой, я столкнулся с отцом Ши Ичжи, который пришёл забрать Ши Лань погостить. Старик в последние дни пережил немало: сначала застал меня с Ши Ичжи в обнимку — хоть мы потом и объяснились, потом узнал о выкидыше Ши Лань, да и о сватовстве от Государя, наверное, прослышал. Не знаю, через какие тернии души он прошёл, но, увидев меня, старик вздохнул, с озабоченным, но спокойным видом взял мою руку и сказал: «Шарлатанам не верь. Дядя найдёт, кто Лань поправит. Дети... ещё будут».

Я подобострастно улыбнулся: «Ничего-ничего, даже если не поправится — не страшно».

Старик сжал мою руку и, вкладывая в каждый слог, проговорил сквозь зубы: «Непременно поправится».

Я открыл было рот, но лишь вымолвил: «Потрудитесь».

Морщины на лице старика слегка разгладились. Он повернулся, веля служанкам сопроводить Ши Лань, а мой отец стоял рядом с убитым видом, не решаясь высказаться. Наконец он пробормотал: «Цянь, проводи».

Я покорно выпроводил всё семейство Ши. Ши Ичжи шёл последним. После того как старик скрылся за дверь, я схватил Ши Ичжи за руку и замолчал.

Ши Ичжи удивлённо склонил голову, ожидая, но я так и не издал ни звука. На его лице появилось нетерпение: «Отпусти».

Я послушно разжал пальцы, но, когда он уже отходил, снова ухватил его. Чувствуя, как жар разливается от ушей до шеи, я запинаясь выдавил: «Я не мастер на слова, но отныне... отныне такого, как с твоей правой рукой, больше не повторится».

Ши Ичжи молча смотрел на меня. Туман в его глазах медленно рассеялся, уступив место свету — яркому, цветущему, как сад в разгаре лета.

Облака приходят и уходят, рассеиваются — и солнце является, небо проясняется. Прояснилось — и Ши Юньцин прояснился.

Именно в тот миг я по-настоящему прозрел. В конце концов, моё увлечение Се Цзином зародилось в неподходящий момент. Во время праздника Юаньсяо, под ясным звёздным небом, когда весь город был полон влюблённых пар, его неземная красота и мягкие, учтивые речи — кого бы не тронули?

Что до Се Цзина, то это было скорее восхищение, нежели любовь. Восхищение, породившее несбыточные грёзы. А грёзы — они неуловимы. С Ши Ичжи всё иначе. Мы знакомы столько лет, сколько живём, — до мозга костей. Мы так сблизились, что позабыли о том мимолётном восхищении друг другом в юности.

Сблизились настолько, что слова «люблю» уже не выговорить.

Так я их и не произнёс. Но в ту ночь мне приснился сон.

Сначала всё шло по старой схеме: Се Цзин превращался в кусок тофу, паренёк с обезьяньей мордочкой назойливо предлагал свой товар. Но на этот раз я не проснулся от испуга. Тофу продолжил трансформацию и стал юным Ши Ичжи.

Ши Ичжи лет четырнадцати-пятнадцати смотрел на меня снизу вверх и заявил чётким голосом: «Эй, твой отец велел мне следить, как ты учишься». Помолчав, он лукаво прищурился: «Но если достанешь мне с дерева пару птичьих яиц, завтра, когда отец будет спрашивать, я тебя выручу».

На этом сон оборвался. Я открыл глаза и увидел отца в парадном облачении — редкое зрелище. Отец сообщил, что Великая вдовствующая императрица возвращается ко двору, и по протоколу все чиновники обязаны её встретить.

Я скривил шею: «Батя, кажется, я шею отлежал. Можно не идти?»

Отец с хрустом сжал суставы пальцев: «А как думаешь?»

Я выпрямил шею и живо поднялся переодеваться.

...

Великая вдовствующая императрица подолгу пребывала в храме, и от неё теперь веяло буддийским спокойствием. Её когда-то живые, выразительные глаза потускнели, лицо округлилось, и с первого взгляда она казалась удивительно добродушной.

Сойдя с колесницы, она, опираясь на двух служанок, окинула взглядом встречающих у дворцовых ворот и с улыбкой покачала головой: «Государь, и что мне с тобой делать? Я просто соскучилась, вернулась ненадолго и скоро уеду. Знаю, ты почтителен, но не нужно таких пышных встреч». Она улыбалась, словно бодхисаттва.

Великая вдовствующая императрица смеялась, и Государь отвечал улыбкой: «Великая вдовствующая императрица, это лишь долг наш».

Она остановила перебирание чёток и отсчитала три бусины назад: «Государь, ты всегда был слишком скромнен и осторожен. В последнее время до меня дошли слухи о тебе и Ваньэре. Я подумала: пусть Ваньэр под землёй покоя не знает, но чтобы ты из-за этих нелепых обвинений страдал — негоже. Ты мягкосердечен, вот я и вернулась, чтобы прибраться среди этих сплетников».

А, значит, не превратилась она в бодхисаттву, а просто сменила открытую остроту на скрытый удар — да ещё и с иголкой внутри. Но какая разница, что она прячет — нож или иголку, — ко мне это не относится. Я зевнул, стоя в толпе, и украдкой глянул на Ши Ичжи. Тот уставился на узор на своём рукаве, но, почувствовав мой взгляд, повернулся. Мы уставились друг на друга, а потом его глаза остекленели, и он, словно в припадке, стал показывать пальцем у меня за спиной, скаля зубы.

Я удивился и беззвучно спросил по губам: «Ты чего?»

Ши Ичжи вздёрнул брови. Его рот дёргался, будто вот-вот пойдёт пена. Затем он закрыл лицо руками, и всё его существо излучало отчаяние.

В следующее мгновение я услышал слова Государя: «... Великая вдовствующая императрица, вы правы. Главного сплетника и смутьяна уже схватили, через пять дней казнят. А он будет надзирать за казнью».

Я медленно обернулся и увидел, что Государь указывает на меня.

Всё понятно. Государь ещё тогда говорил: если с делом Шэн Дайчуаня справлюсь — награда, не справлюсь — снова на плаху. В итоге дело хоть и завершилось, но засада за городом внезапно выросла с двух до пяти тысяч, и пришлось звать подмогу. Получилось ни хорошо ни плохо. Чин вернули, но на плаху всё равно отправляют — правда, теперь в роли надзирателя.

... Только вот... пока я глазеть на Ши Ичжи, о чём это Государь с Великой вдовствующей императрицей беседовали?

И почему её взгляд, устремлённый сюда, такой... странный?

<http://bllate.org/book/15934/1423940>